

Довлатов С.

12.11.92.

лит. газ. — 1992. — 12 нояб. (ч. 47). — С. 16.  
ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

## Остров Сергея Довлатова

Еще совсем недавно остров Довлатова очень трудно было найти на литературной карте. Мешало многое, да и координаты были расплывчаты: родился в эвакуации, умер в эмиграции. И только в последние годы жизни писателя к нам стали возвращаться его книги: «Филиал», «Иностранка», «Зона», «Чемодан». И вот теперь «Записные книжки» (Ленинградское отделение издательства «Искусство», Санкт-Петербург, 1992. Тираж 100 000 экземпляров).

Хвалить эту книгу нет необходимости, пересказывать невозможно — ведь написал ее Сергей Довлатов. Поэтому просто перелистаем его «Записные книжки». И начнем с самой последней страницы «Соло на IBM»:

— Все интересуются, что там будет после смерти?

После смерти начинается история.

И история предстает перед нами — новая и новейшая: Михаил Зощенко («Я помогаю друзьям не здороваться со мной») и Ольга Берггольц, Анна Ахматова и Иосиф Бродский («Долго я не верил, что по-английски можно сказать глупость»), и многие-многие другие.

Конечно же, главный герой книги — сам Сергей Довлатов, грустный и веселый одновременно. И не случайно он пишет, что «можно благоговеть перед умом Толстого. Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похотим быть хочется только на Чехова». И так же мужественно, как Чехов, держался Довлатов в трудные минуты: «Сцена в больнице. Меня везут на процедуру. На груди у меня лежит том Достоевского... Врач-американец спрашивает:

— Что это за книга?

— Достоевский.

— «Идиот»?

— Нет, «Подросток».

— Таков обычай? — интересуется врач.

— Да, — говорю, — таков обычай. Русские писатели умирают с томом Достоевского на груди.

Американец спрашивает:

— Ноу Байбл? (Не Библия?)

— Нет, — говорю, — именно том Достоевского.

Американец посмотрел на меня с интересом.

И еще одно прекрасное свойство Сергея Довлатова — самоирония: «...Первым небоскребом, который ты увидишь в Америке, буду я...» (из письма Юнне Мориц в мае 1990 года). А 24 августа в Нью-Йорке — сердечный приступ.

Мы привыкли повторять: «Шутка или смех от болезней излечивают всех, продлевают жизнь». Наверное, так. Вот жаль только, что это правило не всегда распространяется на самих писателей. Невольно вспоминаешь об этом, перечитывая «Записные книжки» Сергея Довлатова. Ему не исполнилось и сорока девяти. Но остров Довлатова остается с нами. История продолжается.

Михаил ЛУКОМСКИЙ